Визуальные образы в романе М. Петросян «Дом, в котором...»

Оверина Ксения Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург,
Россия

Visual images in “The House, in Which...” novel by Mariam Petrosyan

Overina Ksenia

Saint Petersburg State University (SPSU), St. Petersburg, Russia

Аннотация

В статье рассматриваются особенности поэтики и рецепции романа М. Петросян «Дом, в котором...». Основными свойствами этого текста являются стремление к визуальности, насыщенность зрительными образами, яркими метафорами, запоминающимися описаниями. Эта тенденция сочетается с противоположной: повествование содержит огромное количество «пустых мест», лакун, неопределенностей. Такое «сочетание несочетаемого», по всей видимости, является основой поэтики данного текста и является одной из главных причин его неоднозначной рецепции.

Abstract

This paper examines some aspects of Mariam Petrosyan's “The House, in Which...” novel's poetics and reception. One of the major characteristics of this novel is that it is full of visual images, striking metaphors, memorable descriptions. At the same time, this text

contains a lot of gaps, ambiguities. This contradiction appears to be a basic principle of the novel and the main reason why it received mixed reviews both from critics and readers.

Ключевые слова: Мариам Петросян, русская литература, визуальные образы, поэтика.

Keywords: Mariam Petrosyan, Russian literature, visual images, metaphor, poetics.

То, что появившийся в 2009 г. роман Мариам Петросян «Дом, в котором...» — явление интересное и неординарное, — тезис, не нуждающийся в доказательстве. Отмеченная несколькими литературными премиями, вызвавшая положительные рецензии, эта книга сразу обзавелась армией поклонников, среди которых есть люди разного возраста и увлечений. За романом сразу же закрепился статус текста, ускользающего от точных определений, текста, занимающего

срединное положение между стилевыми, жанровыми и прочими полюсами литературной системы.

Безусловно, причинами такой «неопределенности» романа являются разнородность читательской аудитории этого текста и фигура самой писательницы, однако думается, что эти причины можно найти и в поэтике произведения.

Дом «видимый»: проблема метафоричности художественного произведения

Роман открывается экспозицией, знакомящей аудиторию с главным действующим лицом – Серым Домом:

Дом стоит на окраине города. В месте, называем Расческами. Длинные многоэтажки здесь построены зубчатыми рядами с промежутками квадратно-бетонных домов – предполагаемыми местами игр молодых «расчесочников». Зубья белы, многоглазы и похожи один на другой. Там, где они еще не выросли, - обнесенные заборами пустыри [Петросян, с. 7].

Это первые четыре предложения романа, и уже из них становится очевиден главный для этого текста художественный прием – метафора (шире можно назвать это метаморфозой). Многоэтажки сопоставляются с зубцами расчески-гребня, эти зубцы (реализация языковой метафоры) превращаются в самые настоящие белые зубы, и вот уже действительность оживает, в своей физиологичности превращаясь в монструозный организм – обрастая не только зубами, но и глазами.

Эта экспозиция повторится почти дословно через 40 страниц в

интермедии – флэшбеке, рассказывающем о детстве главных героев, выращенных Домом. Повторится с одним существенным изменением: Дом в настоящем «серый спереди и желтый с внутренней, дворовой стороны» [Петросян, с. 7], Дом в прошлом – «серый спереди и расписан яркими красками с внутренней, дворовой стороны. Здесь его стены украшают рисунки-бабочки, размером с небольшие самолеты, слоны со стрекозиными крыльями, глазастые цветы, мандалы и солнечные диски» [Петросян, с. 45]. Для читателя очевидно, что таким образом пространство принимает нового воспитанника дома, об этом прямо говорится в тексте: «Дом... как будто решил показать мальчику свое другое лицо. Улыбающееся. Лицо не для всех» [Петросян, с. 47]. Но хочется подчеркнуть: это выражается в первую очередь на уровне визуального образа, «картинки».

Повествование в романе основано на том, что читателя заставляют смотреть на мир глазами разных персонажей, в книге чередуются точки зрения разных героев, уделяется большое внимание графическому оформлению письменного текста: записи на стенах, несобственно-прямая речь, дневник Курильщика – выделяются разными шрифтами.

Первое предложение первой книги врывается в сознание читателя ярким пятном: «Все началось с красных кроссовок» [Петросян, с. 8]. Эти кроссовки не только выделяются на фоне черно-белой комнаты Фазанов, но и преобразуют их хозяина:

Ярко-красные, запакованные в блестящий пакет с полосатой, как леденец, подошвой. Я разорвал упаковку, погладил огненные шнурки и быстро переобулся. Ноги

приобрели странный вид. Какой-то непривычно ходячий. Я и забыл, что они могут быть такими [Петросян, с. 8].

Обладатель ярких кроссовок – Курильщик – является одним из основных рассказчиков произведения. Так как он появился в интернате относительно недавно, то его взгляд примерно равен читательскому: Курильщику непонятны порядки, царящие в Доме, он просит объяснения всему, что происходит, у других героев, и таким образом читатель постепенно узнает многое о мире романа.

Несмотря на то, что Курильщик сопротивляется реальности Дома, не желает верить в его магическую сущность, он обладает важным качеством, которое роднит его с другими домовцами. Его видение мира основано на перетекающих друг в друга визуальных образах (недаром, повзрослев, он становится успешным художником).

Порой совсем непохожие персонажи начинают мыслить почти одинаково. Еще удивительнее оказывается тот факт, что вожаком этого населенного разношерстными воспитанниками Дома был избран человек, которому зрительные образы казалось бы чужды – Слепой. Удивительное начинается с детства героя: лучший друг пытается рассказать незрячему мальчику о красоте окружающего мира, описать плывущие по небу облака (которых на самом деле нет на небе). Но выбирает для этого иносказания, строящиеся почти исключительно на визуальных образах:

Они белые и движутся, а по краям как будто рваные или немного покусанные. Снизу розоватые. Розовое — это вроде красного,

только светлее. А движутся они очень медленно, надо долго смотреть, только тогда увидишь. (...) они белые, а снизу розоватые и тихо плывут, а вокруг все голубое (...) Под ними все голубое и над ними тоже. А сами они, как белые барашки [Петросян, с. 56-57].

Эта нестыковка уходит на второй план благодаря тому, что Слепой на самом деле является мастером превращений. Именно он теснее всего связан с притягательной и, возможно, иллюзорной потусторонней реальностью Дома – Лесом, тем местом, где каждый обретает новый облик.

В Доме есть и «разрисованные» родинками и родимыми пятнами, «склеенные из кусочков» дети, стаи Фазанов, Крыс и Птиц, меняющие пространство своих комнат до неузнаваемости, Лес и Изнанка, рассказанные в Ночь сказок истории о странных мирах. Отбор элементов, введенных в повествование, позволяет заметить, что даже бытовые детали становятся окрашенными в какие-нибудь цвета. Могильник, напр., нестерпимо белый, в Доме есть два изолятора – Синий и Желтый, в личном деле воспитанников могут появиться наклейки, свидетельствующие об их поведении и психическом состоянии (желтые, синие и красные).

Эта образность, степень подробности, с которой прописан мир Дома, поражает воображение. Возможно, именно поэтому первое – не отредактированное – название романа «Дом, который» органичной вписалось бы в текст: стихотворение «Дом, который построил Джек» тоже разворачивается за счет аккумуляции образов, возникающих один за другим в каждой строфе.

Дом «невидимый»: проблемы конкретизации литературного произведения

Описанная выше насыщенность визуальными деталями сочетается в тексте противоположной особенностью: в романе слишком много «пустых мест», лакун, которые возникают в самых неожиданных местах. Не раз отмечалось намерение автора не привязывать свой текст ни к какому реальному пространству или времени. Но и кроме этого хватает пустот: остается загадкой, как устроен образовательный процесс в Доме (тут есть учителя), что на самом деле произошло с любимцем всех детей – Лосем, куда делся Македонский, как можно подробно описать Лес и Изнанку, смертью ли на самом деле заканчивается для некоторых героев выпуск из Дома, или они, действительно, воплощаются в новом мире?

Иногда недосказанными остаются очень простые вещи: имена, внешность героев, обстановка, – иногда пропущенными оказываются ключевые сюжетные элементы.

Такие пропуски в повествовании – свойство, характерное для литературы, и оно было подробно описано Романом Ингарденом в статье «Литературное произведение и его конкретизация» [Ингарден, с. 72–73]. Как представляется, роман Мариам Петросян использует конкретизацию в качестве второй, наряду с метафоричностью, стратегии текста, нацеленной на формирование особого типа восприятия произведения читателем.

Многие визуальные образы в романе соседствуют с неоткомментированными местами, поэтому создается ощущение, что роман по сути распадается веером сюжетных вариантов, из которого

читателю предлагается сконструировать собственный. Однако и такой подход к этому тексту не кажется верным, так как «вчитывать» сюжет в происходящее – это позиция Курильщика.

Оставаясь продолжительное время альтер-эго читателя, он старается понять, что творится вокруг. И только ему кажется, что разгадка найдена, как Дом голосом его состайника, Шакала Табаки кричит:

*— Он думает, что прозрел! (...)
Что что-то такое важное понял!
Есть ли жизнь на Марсе, есть ли
жизнь после смерти или почему
Земля круглая! Глядите, как его
раздуло! (...) Если собирается так
выглядеть, пусть завесит себя
чадрой. Лично я этого терпеть не
намерен! [Петросян, с. 115–116].*

Роман «Дом, в котором...» живет метафорической жизнью: одно в нем прорастает в другое и обретает смысл именно в этом взаимодействии. И поэтика, и рецепция этого текста доказывают, что он сопротивляется однозначной интерпретации.

Литература

Ингарден Р. Исследования по эстетике.

М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 570 с.

Петросян М. Дом, в котором... М.:

Livebook/Гаятри, 2009. 960.

References